

«Христос у Марфы и Марии»

духовных отношений между персонажами священной истории, стремился передать сосредоточенность их внутреннего мира. Есть большое искушение согласиться с Багдасаровым и признать, что Потапов — последний крупный мастер модерна и притом продолжатель академической — в её имперской, эпичной ипостаси — школы. И это во времена, когда царствовал т. н. суровый советский стиль, когда классикой и традицией уже стали полотна Таира Салахова и Гелия Коржева. Все долгие десятилетия безбожия, до самого своего ухода, Потапов убергал от разрыва тысячелетнюю традицию русской живописной школы. Можно ли, понимая это теперь, морщиться и ворчать про отход от православных канонов?

Трения у художника-протодьякона с частью священнослужителей РПЦ, прямо скажем, имелись. Частично это объясняется давней данью эзотерическим увлечениям, частично — значимостью и неслучайностью египетской темы в его творчестве. Кроме того, однажды пожилой уже и не очень здоровый художник позволил себе отказаться от предложения работать в Загорске и создать при лавре иконописную мастерскую. А предложе-

ние исходило от патриарха Алексия I... Тем не менее выпущенный к чтениям альбом «Михаил Потапов. Иконопись» получил благословения митрополита Пермского и Соликамского Мефодия и митрополита Одесского и Измаильского Агафангела. Живопись Потапова украшает иконостас знаменитой соликамской Иоанно-Предтеченской церкви.

А в Троицком соборе на выставке «Соликамск православный» в музейной витрине шепчут стихи Гомера осколки краснофигурной керамики из дорогого его сердцу Херсонеса, в стеклянной чашке собраны песок и галька — память о единственном его путешествии в страну пирамид. В фотоальбоме, хранящемся в квартире-музее Потапова, на старых снимках живут актриса Мария Капнист («Наина в старости» в фильме «Руслан и Людмила»), бароны Полторацкие, основатель Дарвиновского музея Александр Котц, египтолог и писательница Клара Моисеева. Кого не сохранили фотографии, Потапов воспроизвёл карандашом: спасшего его фельдшера Березовского, отца в мундире с эполетами... А ещё есть в этом альбоме снимок храма Успения Божьей Матери, построенного в Москве на

Покровке в конце XVII века его далёким предком, мастером-зодчим Петром Потаповым. Храм называли русским Нотр-Дамом. Какой была эта церковь, остаётся судить лишь по старой фотографии да ещё по Смольному собору в Петербурге, ибо для него Растрелли взял за образец «восьмое» — московское — «чудо света». Храм был разрушен, когда лагерный ватник Потапова грызла солёная стужа Баренцева моря. Но переулочек близ места, где стояла замечательная церковь, до сих пор носит имя Потаповского.

Художника похоронили на старом соликамском кладбище. Памятник в виде древнеегипетского храмового пилона, но из зеленоватого украинского гранита. Узор ограды собран из анхов — мифических «ключей жизни». Иероглифом, не ждущим разгадки, поднимает в могильной оградке головку подсолнух, исполненный планетарных смыслов, словно Атон египетского небосвода, и ласково-улыбчивый, какими бывают русские подсолнухи. **■**

Вячеслав Запольских, фото автора